

ратуре, где Византийское государство характеризуется как непосредственное продолжение Поздне-Римского, ничем принципиально от него не отличающееся даже многие столетия спустя после гибели Западной Римской империи и образования феодальных монархий Запада. Этот тезис, кстати говоря, является одним из основных аргументов, выдвигаемых против марксистской концепции феодальной природы византийского средневекового общества.

С враждебных марксистской методологии позиций рассматриваются в буржуазном византиноведении и другие аспекты проблемы Византийского государства: отрицается его классовая сущность, централизация и экспансионизм порой ассоциируются с прочностью государственного строя, народные движения против централизованного гнета представляются в лучшем случае как «бунты черни», вопрос об их социальной природе даже не поднимается и т. д.

Марксистско-ленинское учение о классовой природе любого государства, существующего в условиях антагонистического общества, является исходным пунктом в исследовании проблемы Византийского государства во все периоды его истории.

В области изучения византийской идеологии и культуры особую активность развивают представители современной буржуазной науки. При этом они проявляют ярко выраженную тенденцию рассматривать религиозную по преимуществу византийскую идеологию в отрыве от породившей ее действительности, сводя ее основное содержание лишь к вопросам богословия и схоластики. Богатейшее наследие византийской литературы объявляется лишенным социального звучания, далеким от борьбы мнений и течений современной ей эпохи, чуждым важным политическим и социальным проблемам.

Советские византилисты, занимаясь широким комплексным изучением культуры и идеологии Византии, четко различают два аспекта этой важной проблемы. С одной стороны, они ясно отдают себе отчет в том, что духовная жизнь общества определяется ее общественными, классовыми отношениями, а это, по словам К. Маркса, «значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»⁶.

С другой стороны, вскрывая классовую сущность тех или иных проявлений византийской духовной культуры, исследователи-марксисты объективно оценивают их прогрессивное значение в развитии культуры как самой Византии, так и европейского средневековья вообще. Немало шедевров византийского гения вошли в сокровищницу мировой цивилизации, овладение богатствами которой В. И. Ленин считал обязательным условием для создания новой, пролетарской культуры⁷.

В расколоте на классы и сословия византийском обществе на всем протяжении его истории шла напряженная социальная и классовая борьба, проявлявшаяся в острых столкновениях враждебных идеологических течений, как бы ни были причудливы средневековые формы их выражения. Этой идейной борьбы, в частности, не была чужда ни открытая, ни тайная (апокрифическая) византийская литература. Задача советских византистов состоит в кропотливом и внимательном восстановлении важнейших элементов идеологии угнетенного населения византийского города и деревни, в пристальном исследовании многочисленных ерети-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 45, 46.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 259, 262.